

Таким образом, вопрос о перспективах развития австрийской государственности занимал одно из ключевых мест в программах всех политических партий. Его решение зависело не столько от национальной самоидентификации, сколько от экономических, политических и идеологических взглядов лидеров.

Большинство социал-демократов считали, что присоединение к Германии решит экономические проблемы, с которыми столкнулась молодая республика, и будет способствовать построению социализма. Пункт об аншлюсе являлся составной частью программы партии с 1918 по 1933 г. Безоговорочную поддержку социал-демократам в этом вопросе оказывала великогерманская партия.

Идеологи социал-христиан подчеркивали, что у Австрии в регионе особая миссия, способствовать исполнению которой может создание Дунайской федерации, а не присоединение к Германии. Однако «имперская риторика» Р. фон Кралика, Э. Винтера и др. оставалась на бумаге и не оказывала реального влияния на политический курс Игнаца Зейпеля.

Сторонниками самостоятельного существования Австрийской республики можно назвать только коммунистическую партию, но численность её была довольно малочисленна и серьезной роли в политической жизни Первой республики они не имели.

Д.С. Жуков, С.К. Лямин

Исторический опыт и перспективы инклюзивного суверенитета

Historical Experience and Prospects of Inclusive Sovereignty

Abstract: Статья посвящена историческому опыту и современным тенденциям развития института суверенитета. Данная проблема рассматривается в тесной связи с трансформацией феномена национального самосознания в условиях интенсивной межкультурной коммуникации. При анализе проблемы авторы используют теорию инклюзивности и эксклюзивности применительно к понятию «суверенитет», а также методы фрактального моделирования социально-политических процессов.

The article deals with the historical experience and current trends in the development of sovereignty institution. The problem is viewed together with the transformation of phenomenon of national identity in the context of intensive cross-cultural communication. While analyzing the issue, the authors use the theory of inclusivity and exclusivity with respect to the term “sovereignty”, and the methods of fractal modeling of socio-political processes as well.

Authors: Жуков Д.С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, ineternatum@mail.ru

Лямин С.К. – кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, laomin@rambler.ru

Dmitry S. Zhukov, PhD in History, Associate Professor of the International Relations and Political Science Department in Tambov State University named after G.R. Derzhavin, ineternatum@mail.ru

Sergei K. Lyamin, PhD in History, Associate Professor of the Russian History Department in Tambov State University named after G.R. Derzhavin, laomin@rambler.ru

В постиндустриальном обществе, в условиях интенсивной межкультурной коммуникации, мы наблюдаем новый качественный этап эволюции политических структур. Впрочем, как мы попытаемся показать, в данном случае верно правило «Всё новое – хорошо забытое старое». Речь пойдёт о явлениях, связанных с понятиями эксклюзивный и инклюзивный суверенитет. Эти категории всё чаще и чаще встречаются в современных исследованиях и наиболее развёрнуто осмыслены в трудах Ульриха Бека, который обобщает их до уровня философских категорий – эксклюзивное и инклюзивное различие. Эти интеллектуальные конструкты, как мы полагаем, позволяют сформировать новый взгляд на процесс трансформации современного национального государства и национального самосознания. Тем более, что будущее этого государства и этого сознания ставится под сомнение в глобальном мире будущего.

Стратегии политической глобализации: эксклюзивные и инклюзивные различия

Для прояснения содержания понятий обратимся к У. Беку. «Я предлагаю... отличать *эксклюзивный* способ различения от *инклюзивного*. Эксклюзивные различия следуют логике “или – или”. В их проекте мир выглядит как сосуществование и соподчинение отдельных миров, в которых идентичности и принадлежности исключают друг друга. Каждый неожиданный случай рассматривается как чрезвычайный. Он раздражает, шокирует, ведет к вытеснению или к активности, восстанавливающей порядок.

Инклюзивные различия дают совсем иной образ “порядка”. Нестандартные случаи, не укладывающиеся в привычные категории, здесь не исключение, а правило. Если это оказывается шокирующим, то только потому, что благодаря пестрой картине инклюзивных различий ставится под сомнение “естественность” эксклюзивной модели мира.

Преимущество инклюзивного различия заключается прежде всего в том, что оно делает возможным другое, более подвижное, если угодно, кооперативное понятие “границы”. Границы в этом случае возникают не путем исключения, а благодаря особым образом закрепленным формам “двойной инклюзии”. Кто-то принимает участие в очень многих различных кругах и *тем самым* себя ограничивает. (С социологической точки зрения является само собой разумеющимся, что это не единственный, а один из возможных в будущем способов мыслить границы и пробивать границы.) В рамках инклюзивных различий границы, таким образом, мыслятся подвижными, что делает возможным взаимное переплетение лояльностей.

В парадигме эксклюзивного различия глобализация мыслится лишь как предельный случай, когда взрывается всё. Глобализация представляется высшей точкой развития, которая снимает все различия и ставит на их место неразличимое. Отсюда следует, что это огромное целое, вероятно, еще можно окинуть единым взглядом. Однако ясно, что этот взгляд будет страдать чрезмерной шириной и даже может дробиться.

Наоборот, в пользу парадигмы инклюзивного различения можно привести прежде всего прагматический исследовательский аргумент, который заключается в том, что так и только так глобальность поддается социологическому изучению. Незвестное ранее пересечение мира и личности, попадающее в поле зрения при таком подходе, выступает новым обоснованием социологии, так как без социологии оно не может быть понято и изучено теоретическо-эмпирическим путем; тем более его нельзя использовать в сфере политики. Опора на инклюзивное различение получает, таким образом, статус эмпирической рабочей гипотезы. Эта гипотеза должна найти подтверждение в полном неожиданностей исследовании неизвестного мирового общества, в котором мы живем. То, что в мышлении по принципу “или – или” логически допускается, должно быть раскрыто и освещено эмпирическим путем; должны быть освещены “инклюзивные” формы жизни, биографии, конфликтов, власти, неравенства и государственности мирового общества. Но и инклюзивные различения могут и должны четко определяться. <...>

“...Несомненно, что отдельное национальное государство не стало сильнее в ходе развития мирового рынка. Но государства сегодня достаточно часто действуют в коллективе. В последнее время глобальные сети министерских сотрудников определяют как национальную экологическую политику стран, так и деятельность национальных, а также интернационализованных экологических союзов”. (Jänicke M. *Umweltpolitik: Global am Ende oder am Ende global.*)

Но решающий вопрос таков: что представляют собой коллективные действия государств? Рассматриваемые в литературе модели – например, международная организация, многосторонняя (мультилатерализм) или многоуровневая политика – связаны, как было показано, с национальным государством. Выше я набросал модель транснационального государства, которая не соответствует этим различиям. При этом отношения “взаимоисключающихся” национальных государств и национально-государственных обществ заменяются рамочной схемой, в пределах которой и возникают союзы государств, локализующиеся в мировом обществе и таким образом возрождающие свою особенность и самостоятельность как “глокальные” государства.

Модель транснационального государства противоречит, таким образом, всем другим моделям кооперации: транснациональные государства объединяются в ответ на глобализацию и развивают благодаря этому свой региональный суверенитет и идентичность за пределами национального. Они, следовательно, являются кооперативными и индивидуальными государствами, индивидуальными государствами на основе кооперативных государств. Иными словами: межгосударственное объединение открывает постнациональным государствам новые пространства для действий.

Например, только европейские инициативы позволяют положить конец налоговому демпингу и снова пригласить “виртуальных налогоплательщиков” к кассе, чтобы таким путем не только создать предпосылки для социальной и экологической

гической Европы, но и вернуть индивидуальным государствам способность действовать и власть организационного формосозидания. Итак, ответом на вопрос, почему государства должны объединяться, будет здесь государственный эгоизм: поскольку лишь так они могут возродить свой суверенитет в структуре мирового общества и мирового рынка.

Этот аргумент имеет смысл только в том случае, если мир представлений, характерный для эксклюзивного суверенитета, заменяется миром представлений *суверенитета инклюзивного*. Этот аргумент известен по сфере труда и по разделению труда: кооперация не тормозит, но *развивает* и производительность, и суверенитет отдельных членов. Если вспомнить различие, которое проводил Эмиль Дюркгейм, то можно сказать: во взаимоотношениях между странами на место механической анархии разнообразия вступает *органический суверенитет кооперации*. Это означает, что национально-государственные акторы получают пространства для политического организационного формосозидания в той мере, в какой им удастся увеличить экономическое и общественное богатство путем транснациональной кооперации. Транснациональные государства являются, следовательно, глобальными *торговыми* государствами, которые, отказавшись от эксклюзивного территориального принципа, распрощались при этом и с приоритетами геополитических расчетов.

В результате создается такая ситуация, когда война становится, так сказать, роскошью, которую могут позволить себе только изолированные друг от друга национальные государства, и только в том случае, если они еще не попали в сферу влияния какого-либо военного союза и не обладают самыми современными средствами насилия. <...>

Федерализм применительно к отношению между государствами имеет то решающее преимущество, что власть контролируют или по крайней мере держат под шагом не сверху и не снизу, а горизонтально. Существенная же проблема заключается в том, что инстанция, которая контролирует индивидуальные государства, не имеет права быть надгосударственной. Надгосударственная инстанция либо была бы неэффективной, либо оказалась бы монополизированной сильнейшим государством и, в конце концов, привела бы к мировому государству. И это было бы самым тираническим образованием, спастись от которого, в конечном счете, не смог бы никто. Впрочем, заменяя многообразие единообразием и не имея никаких институтов для разрешения конфликтов, оно было бы весьма непрочным.

...Подведем *итоги*. *Инклюзивный суверенитет* подразумевает, что уступка суверенных прав сопровождается выигрышем в политической власти организационного формосозидания на основе транснациональной кооперации... И в этом смысле Европа стала лабораторным экспериментом инклюзивного суверенитета»¹.

¹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 96 – 98, 229 – 231, 235 – 236.

Таким образом, эксклюзивное различие представляется Беку как строгое исключение одного другим, а инклюзивное различие – как комплекс дополняющих друг друга и не исключающих друг друга различий. Реализации эксклюзивного сценария политической глобализации означает строгую унификацию политических структур мира, а инклюзивный сценарий предполагает связанность разнородных частей, единых в рамках глобального мира благодаря не одинаковости, а специализированности и взаимодополняемости. Соответственно, эксклюзивный суверенитет означает исключительное господство национального государства на определённой территории, а инклюзивный суверенитет – передачу некоторых функций суверенитета неким политическим структурам вне национального государства для косвенного приобретения дополнительных суверенных функций в рамках новой инклюзивной политической структуры.

Обречённая Британская империя: исторический опыт инклюзивности

Ульрих Бек считает интегрирующуюся Европу «лабораторным экспериментом инклюзивного суверенитета», однако мы можем указать на более раннюю и не менее грандиозную попытку реализовать инклюзивный сценарий государственного развития. Речь идёт о Второй Британской империи.

Британская империя осваивала принципы инклюзивного суверенитета применительно к доминионам. Процесс федерализации, то есть создание доминионов (крупных самоуправляющихся союзов переселенческих колоний) внутри Британской империи, во многом определил вектор развития не только самих «белых» колоний, но и всей империи. Под эгидой Британии в XIX – начале XX века было создано несколько жизнеспособных федераций, превратившихся ныне в динамично развивающиеся независимые государства и сохранивших свою целостность, несмотря на обширность территорий, внутренние национальные противоречия, экономические и политический кризисы. Специфику процессов федерализации внутри Британской империи мы рассмотрим на примере проекта создания Южноафриканской Конфедерации² английских колоний и бурских государств в 70-х гг. XIX века. В разных частях «белой» империи на процессы объединения воздействовали разные факторы и местные специфические условия. Однако способы региональной интеграции в удалённых друг от друга частях *Rex Britannica* обнаруживали явное сходство. Это позволяет говорить о том, что федерация была универсальным принципом региональной консолидации внутри империи.

Инициированная министром по делам колоний в кабинете Б. Дизраэли лордом Карнарвоном в 1870-х гг. попытка создания федерации южноафриканских белых общин – британских колоний и бурских государств – является в идейно-теоретическом плане наиболее передовым и разработанным для того времени

² Понятия «конфедерация» и «федерация» в представлениях современников и официальных документах 70-х гг. XIX века часто подменяли друг друга, поскольку оба эти термина не были корректно определены.

планом преобразований имперской системы управления применительно к целому региону. Безусловно, нельзя сказать, что к 70-м гг. XIX века конфедерация была неизвестной империи формой организации внутриимперских связей. Подобные процессы (с некоторым опережением шли в Канаде) и (с некоторым отставанием) в Австралии.

Мы стремимся ответить на вопрос о том, зачем была нужна и как виделась Конфедерация в плане реорганизации отношений властных субъектов империи. Фундаментальные принципы проекта Карнарвона воплотились в Южноафриканском Акте 1877 года, принятом Имперским парламентом после острых дебатов. Этот Акт носил рекомендательный – а не обязывающий – характер и представлял собой лишь общую конфедеративную схему, которая должна была конкретизироваться легислатурами южноафриканских общин. Однако последние уклонились от реализации Акта 1877 года.

В соответствии с Актом предполагалось создание сильного самоуправляющегося Союза провинций, легислатура которого обладала обширными правами вплоть до пересмотра собственной конституции. Провинции могли иметь самое разнообразное внутреннее устройство. Система имперского контроля над исполнительной и законодательной властями сохранялась как на провинциальном, так и на союзном уровнях. Особо Карнарвон подчёркивал, что Акт предоставляет возможности для поиска оптимального, взаимоприемлемого баланса между компетенциями и интересами провинциальных и союзных властных субъектов³.

Можно рассматривать Конфедерацию как своего рода новообразование в системе административно-политических связей колоний и метрополии. В административно-политической плоскости создание Конфедерации означало добавление новой – третьей – группы властных субъектов к системе отношений двух прежних групп: колониальных и имперских органов власти. Поэтому вместо одной линии взаимодействия («метрополия – колония») возникали сразу три: «метрополия – Конфедерация», «Конфедерация – провинции», «метрополия – провинции Конфедерации».

Как мы полагаем, можно выделить два противоположных варианта осмысления жизненно важных для Конфедерации вопросов. В политической сфере это выразилось в противостоянии сторонников и противников объединения. Однако, на наш взгляд, это противостояние имело свои глубокие корни в существовании двух различных принципов политического мышления, двух противоположных (эксклюзивного и инклюзивного) подходов к разрешению проблем государственного строительства и интеграции.

Противники союза понимали конфедеративные органы власти как своего рода новый этаж, встроенный в иерархическую пирамиду властных субъектов империи.

³ Earl of Carnarvon, Secretary of State for the Colonies, to Sir Bartle Frere, High Commissioner in South Africa. 16 August, 1877 // *Select Documents Relating to Unification of South Africa*. Ed. by Newton A.P. In 2 Vols. London, Vol. 1. P. 50.

Союз при этом рассматривался как некий могущественный посредник между колониальными и имперскими органами власти. Возникал естественный вопрос: как будет формироваться сфера полномочий союзного центра? Ответ критиков Конфедерации можно было бы сформулировать как закон сохранения материи: «Сколько в одном месте прибавится, столько в другом непременно убавится». Разграничение компетенции между имперскими и колониальными органами власти строились именно по такому принципу: чем больше прав у империи, тем меньше их у колонии и наоборот. Отсюда делался вывод, что Конфедерация могла бы существовать, лишь заимствовав властные полномочия или у имперских, или у провинциальных органов власти, или у тех и других одновременно. Предполагалось, что империя не собирается уступать своих привилегий в Южной Африке. Поэтому для противников Союза объединение Южной Африки – это, прежде всего, ограничение прав и привилегий участников Конфедерации.

Коренное отличие противоположного подхода заключается в том, что Конфедерацию, в соответствии с ним, можно представить как некую пристройку к отношениям колоний и метрополии, не разрушающую уже сложившийся порядок имперского управления. Формируя свою сферу компетенции, союзные органы власти не должны существенным образом затрагивать существующих полномочий ни империи, ни колоний. В ведение союза отходят вопросы, возникающие в результате координации усилий провинций на региональном уровне. Речь идёт, как мы полагаем, о новых полномочиях, которые обнаруживаются вследствие региональной интеграции и появления новых сфер, где необходимо государственное регулирование. Задача Конфедерации при этом виделась, конечно же, не в централизации ради централизации, а в решении общих для провинций оборонительных, экономических и политических проблем. «От конфедерации получает выгоду главным образом население государств одной и той же расы, объединяющихся с целью защиты, а также для приведения к единообразию соглашений, касающихся железных дорог, телеграфа, почты, для отмены ограничений на внутриколониальную торговлю и для устранения различий в гражданском и уголовном праве»⁴, – здесь английский публицист и историк, современник изучаемых событий Эдуард Пейн перечисляет именно те сферы, которые и были призваны контролировать союзные правительство и парламент. Теоретически имперские органы власти обладали возможностями для координации усилий отдельных белых общин на пространстве всей Южной Африки, но Имперское правительство не желало взваливать на себя новую ответственность, а возможно – и новые расходы. Империя осталась верна принципу децентрализации и попыталась передать решение местных вопросов местным же властям, а за собой оставить лишь общеимперские проблемы. Таким образом, вновь воспроизводилась отработанная к тому времени схема колониального самоуправления, но уже в масштабах всей Южной Африки. Но для этого нужно было создать властные органы, действующие в тех же масштабах.

⁴ Cotton J. S., Payne E. J. Colonies and Dependencies. Part I. – India, by J. S. Cotton. Part II. – The Colonies, by E. J. Payne. L., 1883. P. 113.

Если суммировать высказывания сторонников Конфедерации по поводу положения провинций в предполагаемом союзе, то становится очевидно, что, по их представлениям, права объединившихся общин не только не уменьшатся, но и значительно расширятся. Означенный эффект, как мы полагаем, был вызван тем обстоятельством, что в обмен на потерю эксклюзивного суверенитета (и до того момента – ограниченного), Конфедерация предоставляла общинам блага интеграции и возможности защищать свои интересы на региональном уровне через посредство конфедеративных органов власти. Таким образом, предполагалось увеличение если не формальных прав, то реальных возможностей каждой общины, вошедшей в состав Конфедерации, так как влияние этой общины могло и должно было выходить за рамки её узкой территориальной юрисдикции. В Южной Африке эти соображения усиливались потребностью в «единстве белых общин против туземцев». Подобные мотивы отчётливо звучат в речи премьер-министра Капской колонии Гордона Сприга, произнесённой им в Капском парламенте 22 июня 1880 г.: «...Должны ли мы действовать в...этом вопросе («туземной» угрозы. – Авт.) с интеллектуальной храбростью государственных мужей, или мы должны встретить эти трудности с раздражительной слабостью детей, просто сказав: “Мы не будем иметь никакого отношения к этому”. <...> Но, признавая трудности, существующие при настоящем положении дел в Южной Африке, будем ли мы противостоять этим трудностям? <...> Не стóит отворачиваться и... эгоистично закрываться в этой колонии, и говорить, что мы здесь в достаточной безопасности и не обеспокоены тем, что происходит вовне. Я воспользовался бы случаем, чтобы указать палате, что мы здесь – не в сейфе, и что такая политика является глупой политикой. Политика улитки в раковине – вот как это называется – является разумной политикой, если раковина достаточно сильна, если вы можете залезть в вашу раковину и закрыться там от всех опасностей,... тогда, может быть, действительно мудро отступить в ваш дом и сказать, что вы не выйдете за его пределы. Но если ваша раковина слаба, если вы подвергаетесь нападениям в вашем доме,... вы можете обнаружить, что неудобно оставаться в узких пределах вашей собственной раковины, – намного более неудобно, чем то положение, в котором вы оказались, если бы вы расширили свои границы и имели возможности управления и влияние на тех людей, которые теперь нападают на вас»⁵. Г. Сприг не просто предлагает вместо сомнительной безопасности для отдельной колонии надёжную безопасность на региональном уровне; он призывает поступиться частью прав ради интеграции, которая принесёт реальные выгоды.

Итак, если, например, для капских противников Конфедерации объединение колонии с другими южноафриканскими общинами означало то, что Кап «принимает на себя ответственность и расходы по их обороне», то для сторонников Конфедерации это же объединение означало консолидацию ответственности и расходов участников Конфедерации. Причём, в результате такой консолидации суммарная военно-политическая мощь Союза должна, как предполагалось,

⁵ “Cape Times”, 23/6/80. Colonial Parliament. House of Assemle. 22 June 1980 // British Parliamentary Papers. Vol. 15. Shennon, 1971. P. 282.

оказаться больше, чем простая арифметическая сумма военных и финансовых возможностей участников Конфедерации.

Таким образом, подведём некоторые итоги и сделаем некоторые обобщения. Теория игр (не только карточных, но и политических) отличает игру с нулевой суммой (когда один игрок выигрывает ровно столько, сколько проигрывает другой) от игры с прибылью (когда могут выиграть все игроки). Если признать, что перераспределение власти в системе этих трёх групп властных органов (на уровне колонии, федерации и метрополии) есть игра с нулевой суммой, то следует сказать, что конфедерация, формируя свою сферу полномочий, должна была ослаблять (оттягивая на себя) полномочия колоний-частей или метрополии, или тех и другой одновременно. Это верно, если предположить что Конфедерация – это образование с эксклюзивным суверенитетом.

Или отношения указанных выше трёх групп властных органов – это не игра с нулевой суммой? Может быть, властные отношения в транснациональном государстве (как и в Конфедерации) в условиях инклюзивного суверенитета следует мыслить как игру с прибылью, а не как игру с нулевой суммой – это явление, характерное не только для современных интеграционных образований вроде Евросоюза, но и для Британской империи.

Была ли (планировалась ли) Конфедерация как новый этаж в имперской властной пирамиде, как посредник между колониальными и имперскими властями или же Конфедерация виделась как пристройка к отношениям колоний и центра?

В этом свете Конфедерацию (или переход от эксклюзивного к инклюзивному суверенитету) можно представить как попытку перейти от игры с нулевой суммой к игре с ненулевой положительной суммой (речь в данном случае идёт о «прибыли» властных полномочий).

Естественно, что отношения колонии и метрополии были игрой с нулевой суммой, поскольку приращение полномочий для игры с прибылью произошло за счёт региональной интеграции и решения соответственно общерегиональных проблем. Таким образом, была предпринята попытка при интеграции перейти от одного типа игры к другому, когда никто не теряет, а все приобретают власть, путём координации и консолидированного решения общих проблем, добываясь влияния за пределами своих юрисдикций.

Британские доминионы (конфедеративные образования в рамках империи) – первый масштабный опыт применения принципов инклюзивного суверенитета, в рамках которого власть перераспределяется в рамках игры с прибылью.

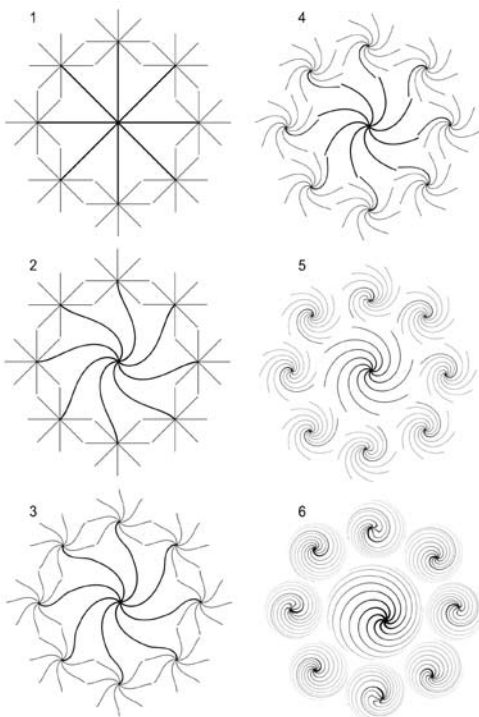
Идея создания Имперской Федерации, то есть созыва общеимперского парламента (то есть распространения рассмотренных выше принципов федерализации в регионах империи на всю империю) представляла собой по существу проект перехода к инклюзивному суверенитету в рамках всей империи. Уже в XIX веке стало очевидным, что империя распадается на эксклюзивно-суверенные образования и объединить их можно было бы строительством инклюзивного транснационального государства.

Сущность проекта Имперской Федерации заключалась в формировании общеимперского парламента с участием представителей «белых» колоний. Однако эта идея не была востребована, поскольку её осуществление вело к кардинальному изменению британской политической модели в самой Британии.

Вплоть до конца империи Имперский парламент избирался не всей империей, а лишь жителями Соединённого королевства. Власть имперских органов оставалась эксклюзивной: губернаторы (формально представляющие Корону, а фактически Британское правительство), в конечном счёте, подчинялись Британскому парламенту, не избираемому жителями колоний.

В «динамичном» фрактале-метафоре «каскад вихрей», который мы демонстрируем далее (см. рисунок 1) выражено ключевое свойство империи – самоподобие – копирование с теми или иными непринципиальными поправками на разных уровнях (в разных масштабах) одного и того же принципа государственного строительства. Особенность приведённой ниже фрактальной метафоры, которую мы назвали «каскадом вихрей» заключается в том, что реализация самоподобия динамики и конфигурации частей фигуры здесь приводит к разрушению связей между этими частями.

Рисунок 1. Каскад вихрей» - распад империи

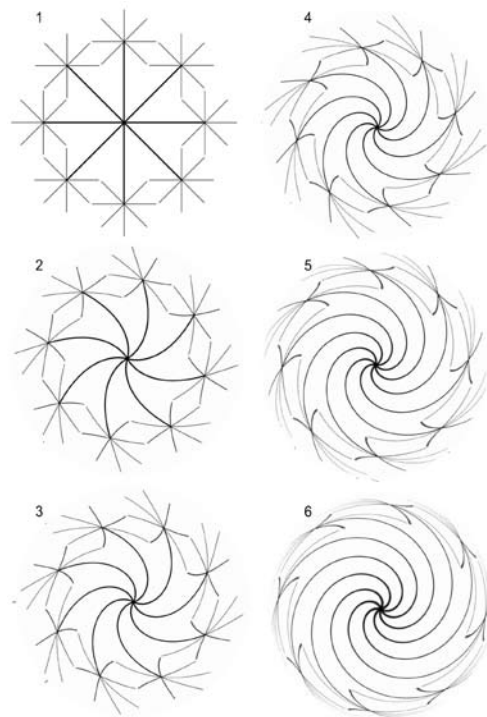

Империя не пережила своеобразный демократический транзит - по мере развития парламентской демократии в колониях они обособлялись от страны-матери. Можно выдвинуть предположение, что всплески дезинтеграционных тенденций являются закономерным эффектом демократического транзита. Сама по себе демократия не несёт консолидирующего потенциала. Напротив, она стимулирует замыкание местных сообществ. Региональные элиты в борьбе с центром получают мощное оружие в виде своей демократической легитимности. Хотя сама по себе демократия не есть синоним разобщённости, демократизация подрывает прежние консолидирующие институты и структуры – становой хребет империй.

Альтернативная схема реализуется в случае создания Имперской Федерации, т.е. при формировании истинно имперской легислатуры – высшего органа реальной власти в английской модели. В этом случае трансформационные процессы в центральных и местных органах власти (развитие демократии и федерализма на местах) не просто подобны, но и комплиментарны, в результате чего на разных уровнях (в разных масштабах) возникают структуры, взаимосвязанность которых не противоречит самоподобию.

Поэтому здесь можно представить альтернативу «Каскаду вихрей». В приведённом ниже случае определённый принцип государственного строительства (изображённый как метафорический вихрь) разворачивается не только в центральной части (метрополии), но на пространстве всей фигуры, захватывая периферию, где аналогичные принципы реализуются не как отдельные, а как включённые.

Рисунок 2. Консолидация империи

Ещё раз подчеркнём спасительность для Британской империи пути Имперской Федерации⁶. В этом случае исчезла бы институциональная двойственность: и власть имперская, и власть колониальная легитимируются в этом случае как представительные. Напряжение в отношениях метрополии и колоний исчезает, ибо связи между ними превращаются из неравноправных вертикальных в равноправные горизонтальные, поскольку и колонии, и метрополия одинаково подчиняются легислатуре, которая не является чисто британской или, конечно же, чисто колониальной. Интересы колоний уже реализуются через общеимперский парламент, а не посредством устранения Имперского (Британского) парламента от колониальных дел. В этом случае реализация интересов колоний осуществляется в

⁶ Об Имперской Федерации см.: Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996; Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов, 1998.

русле общеимперских интересов, осуществляется через укрепление единства, а не вопреки ему. Естественно, имперское единство в этом случае выступает как средство для отдельной колонии влиять на формирование имперских интересов и на принятие решений для всех колоний.

Имперская Федерация это и есть распространение принципов английской политической модели (в том числе верховенство легислатуры, легитимировавшейся посредством представительства) на всю империю, на внутримперские связи, а не просто трансляция английской модели в колонии, где она развивалась обособлено, тогда как вся империя строилась вовсе не по этой модели, а по архаичной – сугубо монархической.

Напомним, вариант Имперской Федерации, этот новый вектор развития не был избран. Изначально ему противились деятели метрополии и приблизительно к середине XIX века они упустили шанс пойти по этому пути. Позже – после того, как колонии осознали себя отдельными и, более того, самостоятельными общностями – колонии сами воспротивились укреплению имперского единства посредством Имперской Федерации и решение этого вопроса уже стало зависеть не только от деятелей метрополии, но и от позиции колоний. Проект Имперской Федерации стал, таким образом, весьма проблематичным, хотя в середине XIX в. колонии вряд ли стали протестовать против своего представительства в Имперском парламенте. Так, возможности реализации Имперской Федерации уменьшались: то, что в середине XIX века можно было проделать относительно легко, в конце века требовало уже колоссальных сверхусилий, поскольку аттрактор системы определился. Вторая Британская империя – обречённая империя.

Здесь очень важно подчеркнуть коренное расхождение в походах англоязычных и отечественных исследователей к изучению феномена империи. Для наших зарубежных коллег империя – прошлое, которое оставило прекрасные плоды (Британское Содружество). Не имеет смысла анализировать варианты сохранения уже несуществующего. Можно лишь воспевать мудрость деятелей обречённой империи, приведших её к «благоприятному миру Содружества». Для России империя – настоящее. Хотим ли мы или нет, но после падения марксистской концепции, третировавшей эксплуататорскую природу империи, сам феномен империи странным образом (лишь на первый взгляд – странным; но на самом деле – вполне закономерным образом) реабилитирован. Поэтому подспудно российских исследователей интересуют пути сохранения империи. Ибо распад империи (российской, а не британской) не может быть признан как исторически свершившийся (а значит вполне закономерный) факт.

В рамках Российской империи не существовало парламенско-монархической институциональной двойственности местных и центральных органов власти. В царской России и центральные, и местные власти были монархические; в современной – демократические. Именно это позволило России развиваться по иной модели, сохраняя единство. Именно это обуславливало неразрывность

центральных и местных властных институтов, а именно, – подчинённость местных властных институтов центральным.

Адаптационный потенциал империи, её способность сохранять единство при демократическом транзите зависят, помимо прочего, от того, насколько правящая элита в состоянии отказаться от старых институтов и методов консолидации имперского организма и перейти к новым, более соответствующим политическим реалиям. Однако именно со старыми институтами имперская правящая элита обычно связывает своё главенствующее положение.

Здесь нелишне ещё раз вспомнить о том, что британская политическая элита, проявившая выдержку и гибкость, спасая империю в начале XIX века, тем не менее, не смогла перейти грани абсолютного отказа от старых методов управления. Речь идёт об упорном нежелании реализовать идею Имперской Федерации. Реализация этого проекта могла бы снять институциональную двойственность и направить (во всяком случае, – с большими шансами на удачу) эволюцию империи по пути сохранения единства посредством взаимозависимой интеграции, а не вялотекущей дезинтеграции. Британская элита не смогла принять перспективу своего превращения из элиты метрополии в элиту самой богатой провинции империи.

Исторический опыт инклюзивности №2: кейнсианская политика

Категории эксклюзивности и инклюзивности могут быть распространены не только на политические, но и на социально-экономические отношения и процессы. И в этой сфере мы также можем обнаружить масштабный опыт развития инклюзивности.

Развитие мирового капитализма до начала XX века (весь период «дикого» капитализма) наиболее корректно описывает марксистская схема. Капитализм XX века в целом укладывается в кейнсианско-реформистскую модель. В самом конце прошлого столетия капитализм вступил в новую фазу развития, для которой не характерны основные черты реформистской схемы. Если в марксистской модели доминирующими классами являлись буржуазия и пролетариат, а в кейнсианской – средний класс, то современная фаза предполагает, на наш взгляд, господство маргинальных социальных групп.

Для марксистского капитализма были свойственны кризисы перепроизводства в результате обнищания пролетариата. Причиной такого положения вещей являлся антагонизм между буржуазией (владельцами средств производства) и эксплуатируемым рабочим классом. Итогом такого антагонизма должна была стать мировая революция.

Это предсказание Маркса не сбылось в мировом масштабе, поскольку была реализована реформистская схема функционирования буржуазного экономического организма. Она основывалась на сотрудничестве трёх субъектов – буржуазии, пролетариата и государства. Государство – третий субъект – посредством

различного рода социальных программ и гарантий способствовало повышению уровня жизни населения и, следовательно, его потребительских возможностей. Высокое потребление являлось прочным фундаментом для роста производства потребляемых товаров и услуг, что приносило немалые выгоды самой буржуазии. Прибыль извлекалась не из усиления эксплуатации, а из раздувания потребления.

Главную роль в реализации подобной социально-экономической доктрины играл именно третий субъект – государство, – поскольку предприниматели, зависящие от законов рынка, сами по себе не могли проводить политику расширения потребления на общенациональном уровне.

Сегодня в процессе глобализации происходит разрушение реформистской схемы в результате транснационализации капитала. Становясь независимым от конкретного государства, капитализм отказывается от своих социальных функций. Обладая возможностью выбирать место приложения капитала, транснациональная буржуазия вынуждает государство создавать для неё наиболее благоприятные условия – снижается сбор налогов с транснационального капитала и урезаются гарантии труда «национальных» рабочих. Способность государства играть роль третьего субъекта и раздувать потребление снижается. Взаимозависимость между бедными и богатыми распадается. Капитализм, вырвавшийся за рамки национального государства, вновь становится «диким» – уходит из-под контроля государственных и общественных институтов. Это означает, что рост производства уже не обеспечивается адекватным ростом потребления.

Очевидно, что мы являемся свидетелями, как это ни парадоксально, возвращения к марксистской модели развития капитализма в мировом масштабе на новом качественном витке.

Теория Маркса, верная в своих исторических построениях, должна была быть верна в своей футурологической части. Однако, кажется, что эра Мирового социализма отложена на неопределённый срок. Хорошо известно, какие факторы привели к разрушению схемы Маркса на рубеже XIX и XX веков: реформистская экономика, ревизионистская (социал-демократическая) политика, неокOLONIALИЗМ и т.д. Тем не менее, есть один пункт, в котором марксистская схема осталась верна даже после вступления капитализма на реформистские рельсы. Речь идёт об отмирании частной собственности на средства производства. Действительно, в рамках кейнсианской экономики функционирование основных средств производства подчинено регулирующей власти государства в общественных интересах. В этих условиях собственность функционально (но не юридически) перестаёт быть частной, то есть всецело находящейся в распоряжении какого либо лица – владельца. В распоряжение собственностью вмешиваются общество и государство, хотя они и не покушаются на доходы, извлекаемые из обладания средствами производства. Таким образом, частная (исключительная, эксклюзивная, отдельная) собственность на средства производства в кейнсианской экономике была заменена инклюзивной собственностью

стью, отдельные аспекты которой находились в распоряжении многих акторов (государства, институтов гражданского общества).

Однако «транснациональная собственность» на средства производства на современном этапе капитализма опять-таки приобретает черты эксклюзивно-дикой частной собственности, поскольку собственники нашли для себя поле функционирования, на котором нет ни общества, ни государства. Это поле – глобальность, где нет ни мирового государства, ни мирового общества.

Распад и возрождение политического по Ульриху Беку

Традиционная сфера политики, правительство, полагает У. Бек, теряет власть, появляются так называемые субполитики, например, политики крупных компаний, исследовательских центров и т.д. Именно в субполитических системах воплощаются структуры нового глобального общества, которые игнорируют и парламентские системы, и юридические границы, и правительства, и т.д. У. Бек называет этот процесс «распадом политики», когда политику уже больше не осуществляет централизованное правительство, а она становится сферой контроля разнообразных субгрупп, равно как и отдельных индивидов. У. Бек, таким образом, осмысляет кризис национального государства и появление на мировой сцене новых деятельных сил, избавивших себя от пут традиционных политических систем. Речь идёт, прежде всего, о ТНК и иным неправительственных, но влиятельных, международных организациях.

Итак, У. Бек формулирует негативную программу. Но какова же позитивная программа? Как же У. Бек предлагает избавиться от проблем, вызванных глобализацией? Позитивная программа У. Бека выглядит весьма блёкло на фоне его критики современного состояния мирной системы. Главная цель позитивной программы двояка – с одной стороны У. Бек пытается вновь взнуздать транснациональный капитал, вновь подчинить его политической сфере – то есть демократическому социальному государству, проводящему реформистскую политику. С другой стороны, У. Бек и не помышляет о революции или тоталитаризме. Таким образом, некая политическая сила должна вновь вернуть контроль над капиталом. Но капитал уже глобален, и, следовательно, политическая сила также должна быть глобальна. Что же эта за сила?

У. Бек предлагает, по существу, два пути формирования этой силы, два пути, которые должны осуществляться параллельно друг другу.

Во-первых, создание транснациональных государств – неких межгосударственных союзов, члены которых передают центральным органам часть своего суверенитета. Такие мощные государственные образования могли бы контролировать капитал в глобальном масштабе. Это означает, что члены этих образований, поступившись частью своего суверенитета, выиграли бы в плане реальных возможностей. Они могли бы контролировать ТНК через транснациональные государственные органы вне пределов своей формальной юрисдикции.

Во-вторых, У. Бек строит планы формирования глобального гражданского общества, также способного обуздать глобальный капитализм и подчинить его деятельность соображениям общей пользы.

И в первом, и во втором случае речь идёт фактически о возвращении к реформистской модели государства, но уже в мировом масштабе. На наш взгляд, методы У. Бека несоизмеримы с его целями. Транснациональное государство, о котором пишет У. Бек, имеет вполне определённую форму и исторически сложившееся название – империя. Империя является хорошо известной формой сосуществования и интеграции, и, как показывает многообразный исторический опыт, не всегда империя была синонимом диктатуры, угнетения и даже экспансионизма. Наиболее крупные и долговечные империи воплощали принципы самоподобия и децентрализации. Основное отличие неоимперии от бековского транснационального государства – наличие надгосударственной надстройки и имперообразующих общностей – народов, государств и др.

Не следует забывать, что политическая история Нового времени – это история империй, продолжением которых были национальные государства, которые сейчас, на наших глазах стремятся, к различным формам интеграции. Диалектика развития империй в терминах эксклюзивности-инклюзивности, таким образом, может быть представлена как классическая триада:

- тезис – эксклюзивное единство – унитарность и унифицированность империй;
- антитезис – эксклюзивная разобщённость – распад империй и формирование национальных эксклюзивно-суверенных государств;
- синтез – инклюзивное объединение – создание новых империй.

Мы исходим из того обстоятельства, что национализм в целом как явление – есть проявление наиболее архаических форм политической традиции. Одна из проблем современных стереотипов восприятия феномена империи заключается в том, что империя почти всегда отождествляется с неизбежным притеснением одной – имперской – нацией других наций, народностей, племён и т.п. в рамках империи. Понятия инклюзивного и эксклюзивного суверенитета во многом позволяет иначе взглянуть на эту проблему.

Инклюзивный суверенитет появляется там и тогда, когда государство отказывается от своих эксклюзивных властных возможностей (или их части) в пользу некой иной надгосударственной структуры. Такого рода передача эксклюзивных властных полномочий не должна являться фактическим ограничением или ликвидацией государственного суверенитета, а напротив эта передача эксклюзивных полномочий должна свидетельствовать о качественном совершенствовании политических основ государства, о приобретении этим государством качественно иной формы суверенитета.

Иная надгосударственная структура – это империя – империя нового типа, которая, возможно ещё не существовала в истории. Совсем не обязательно, что в рамках такой империи отсутствует имперская нация – государство – строитель

империи. Важно не то, какие создаются имперские политические структуры, как они создаются и кем. Самое важное – это принципы, если угодно, идеология, строительства такой империи.

Неоимперская структура, очевидно, должна быть создана не в интересах не одной нации, а всех народов, входящих в империю. В рамках такой структуры все выигрывают и никто не выигрывает больше или меньше других. Эта империя ставит своей задачей лишить государства многих (или всех) эксклюзивных возможностей во имя общих целей. Эти эксклюзивные возможности передаются не какому-либо государству (пускай это даже строитель империи), а надгосударственной имперской структуре. Взамен отдельные государства (на равных условиях с нацией – строителем империи) получают ряд «инклюзивных преимуществ».

Причём, в данном случае не идёт речь о федерации государств. Во-первых, у такой империи наверняка будет своя имперская нация (даже в Евросоюзе есть свои союзообразующие нации, хотя это и не признается громогласно под давлением норм политкорректности). Во-вторых, у каждого из государств практически не останется никаких эксклюзивных возможностей.

Идеология такой империи не будет строится на националистических предрасудках, которые в равной степени могут способствовать как реанимации эксклюзивной формы империи с политическим гегемоном – имперской нацией, – так и деградации империи (национальный сепаратизм, религиозно-этнический ренессанс и т.п.). В новой империи имперской нации лишь отведена почётная роль её строителя и не более того.

Не хотелось бы, чтобы подобные размышления были интерпретированы как апология проекта американской империи и унифицированного мира. Тот факт, что некоторые государства лидируют в мире то или иное время, является самоочевидным; но это не те государства, которые лидируют в развитии. Напротив, в развитии (то есть в переходе на следующий этап развития, в реконструкции старых норм и форм) всегда лидируют периферические организмы, поскольку они более слабы и менее масштабны (с точки зрения развития в них старых структур – от главных, например, экономических, до второстепенных, например, технологических). Именно поэтому они способны отказаться от старого без убийственных для себя издержек. Напротив, хотя грандиозные организмы и обладают большим потенциалом к перестройке, но еще более масштабны их издержки от этой перестройки.

Вот почему при переходе на новый качественный этап развития - более эффективный уровень - прежние лидеры обычно утрачивают своё положение. Таким образом, фокус потенциальности всё более и более расходится с фокусом силы по мере приближения к новому историческому этапу.